

Глава 3. Киноимператор, одержимый телефоном ассистентки

— Вэнь-гэ, примерьте, пожалуйста, — гримерша с улыбкой принесла обновленный парик и, дождавшись кивка, принялась за работу.

Вэнь Жунси выглядел невыспавшимся, хотя по безупречному состоянию кожи и не скажешь, что актеру уже тридцать два. Фэн Цзин, работавшая его личным мастером последние три года, прекрасно знала привычки босса: в кресле он предпочитал молча вздремнуть, пока над его образом колдуют кисти и расчески.

Однако сегодня Жунси, обычно расслабленно откинувшийся на спинку, внезапно открыл глаза.

— Который час? — спросил он.

Фэн Цзин мельком глянула на часы:

— Почти час дня.

Вэнь Жунси чуть повысил голос, подзывая ассистентку, чтобы попросить телефон.

Услышав свое имя, Ци Цин едва не подпрыгнула от волнения. В прошлую пятницу, проходя собеседование в «Хуанъинь Шидай», она и мечтать не смела о таком месте. Думала, ее, неопытного новичка, приставят к какому-нибудь малоизвестному актеру восемнадцатого эшелона. Но в разгар интервью в кабинет вошел мужчина. Он не проронил ни слова, просто наблюдал со стороны, а когда она уже выходила, коротко бросил: «Пусть будет она».

Тогда Ци Цин лишь обрадовалась, что ее приняли. И только позже осознала, что тем мужчиной был агент самого Вэнь Жунси. Сегодня был ее первый рабочий день. Кроме нее, за Киноимператором закрепили еще троих помощников, но именно Ци Цин должна была сопровождать его повсюду, подавать вещи и следить за графиком. Остальные занимались логистикой, питанием и мелкими поручениями.

— Какой пароль? — спросил Вэнь Жунси.

— Его нет.

Он негромко хмыкнул и сосредоточенно принялся за аппарат. Ци Цин не решилась спросить, почему он не пользуется собственным телефоном.

— Какое приложение для стримов у тебя популярнее?

Фэн Цзин продолжала невозмутимо поправлять край парика, ловко заправляя выбившиеся волосы, будто и вовсе не слышала разговора актера с ассистенткой.

— Фу... «Фую», — голос девушки дрогнул.

Тон Киноимператора оказался неожиданно мягким, совсем не таким, как описывали в сплетнях на форумах. Видимо, не все звезды первой величины страдают скверным характером. Жунси нажал на иконку с жучком, и приложение автоматически авторизовалось под аккаунтом ассистентки. Взглянув на никнейм, он едва заметно приподнял бровь.

«Хочу родить зоопарк для малыша Цинь».

Вэнь Жунси: —...

Заметив, как помрачнел актер, Ци Цин вдруг вспомнила, под каким именем залогинена. Но Вэнь Жунси ничего не спросил, продолжая с невозмутимым видом изучать интерфейс. Ци Цин готова была провалиться сквозь землю от стыда.

Когда из динамика донеслись звуки трансляции, обе женщины в комнате обменялись красноречивыми взглядами. В глазах каждой читался неподдельный ужас: неужели тот самый Вэнь Жунси — холодный, элегантный, недостижимый, словно цветок на вершине ледяной горы, — тоже смотрит реалити-шоу?!

Перед самым началом эфира, во время последней правки макияжа, Цинь Бао великодушно предложил Юй Ци занять кресло первой. Он с улыбкой сказал, что его образ не требует много времени, и это галантное замечание явно польстило актрисе. Когда Цинь Бао искренне восхитился ее прической, Юй Ци окончательно расцвела, и между ними мгновенно установилась дружеская атмосфера.

Ни одна женщина не устоит перед комплиментом, особенно в индустрии, где каждый миллиметр кожи рассматривают под микроскопом.

До официального старта участники успели немного освоиться. Вэй Ивэй, чей образ в шоу строился на милой непосредственности, выяснил, что Цинь Бао младше его всего на три месяца. Это привело его в восторг: он так и вился вокруг Цинь Бао, требуя, чтобы тот называл его «Вэй-гэ».

Популярность Вэй Ивэя за рубежом была выше, чем в Китае, где его знали в основном подростки. Вернувшись на родину, он активно снимался в рекламе и раскручивал фан-базу, но среди участников шоу его узнаваемость была самой низкой.

И вот, когда Вэй Ивэй появился в кадре в обнимку с Цинь Бао, игриво щекоча того за подбородок и требуя признания старшинства, чат платформы буквально взорвался.

Цинь Бао, опустив голову, выглядел ужасно смущенным, но все же тихо выдавил: «Вэй-гэ».

В ту же секунду поток комментариев стал таким плотным, что лиц артистов стало не разглядеть. Словно случайно камера выхватила стоявшего поодаль Кун Я. Его лицо было мрачнее тучи, а из-за тяжелой челки носогубные складки казались еще глубже.

Несмотря на фильтры трансляции, аудитория в сотни миллионов человек не упустила ни единой детали. В комментариях тут же посыпались колкости.

[Носогубный Кун]: «Ха-ха-ха, я сейчас умру! Кто-то явно перерос образ невинного мальчика. Лицо уже плывет, а всё туда же. Посмотрите на одежду — на Вэй Ивэе те же вещи смотрятся в десять раз круче».

[Ты_че_не_в_космосе]: «Эй, полегче, а то фанаты Тао Бинъюя тебя сожрут!»

[Взорвусь_фейерверком]: «Наш Тао-гэ в эти игры не играет, он уже взрослый человек, развлекайтесь сами».

[Малыш_на_дереве]: «Глядя на морщины Кун Я, хочется только плакать».

[Аромат_кадила]: «Вашему айдолу двадцать один, а он всё "Малыш Цинь". По-моему, это уже какой-то гигантский младенец».

Едва начавшись, стрим превратился в поле битвы фан-клубов, которые перенесли свои вчерашние споры из Weibo в прямой эфир.

Впрочем, конфликт Кун Я и Цинь Бао быстро отошел на второй план — всё внимание перетянул на себя Вэй Ивэй. Участникам предстояло соревнование: за определенное время накопить как можно больше травы вместе с местными жителями. Наградой за победу должны были стать пятьдесят коров, которых передадут в дар деревне.

Зоркие пользователи заметили: Цинь Бао работал медленнее всех. Стояла невыносимая жара, все были мокрые от пота. Левая рука Цинь Бао была травмирована, а густая трава, похоже, вызвала раздражение — по его предплечьям пошли красные пятна.

Поклонники Цинь Бао затаили дыхание. Их подкупало то, с каким серьезным видом он подошел к заданию. Он не жаловался и не пытался вызвать жалость, просто делал свою работу. А раз сам кумир не ноет, то и фанатам не пристало разводить сырость в комментариях.

В этот момент Цинь Бао что-то почувствовал и резко обернулся.

Вэй Ивэй замер с охапкой травы над его корзиной. Пойманный с поличным при попытке «анонимного» доброго дела, он неловко почесал затылок и солнечно улыбнулся:

— У тебя же рука болит. Я не позволю тебе называть меня «гэ» просто так.

Чат вскипел.

«ВэйБао, я съела этот сахар!», «Ивэй такой теплый, я плачу...», «Кто бы мог подумать, что он такой заботливый!», «Эту пару я шипперю, и не пытайтесь меня остановить!»

Никто не ожидал, что всего через двадцать минут после начала эфира, вопреки всем планам продюсеров на «пару» Кун Я и Юй Ци, родится первый настоящий хит сезона.

— Вэнь-гэ, пора фотографироваться, — помощница, заметив недовольное лицо Жунси, робко напомнила о графике.

Актер коротко кивнул и отправился переодеваться. Когда он вышел из гардеробной, в студии воцарилась тишина. В новом фильме Вэнь Жунси играл коварного вельможу — амбициозного интригана, чья истинная сущность раскрывается лишь к середине сюжета.

В темно-фиолетовом халате, с яшмовой подвеской на поясе, он преобразился мгновенно. Это был образ «улыбающегося тигра», перед которым трепещет двор. Он мастерски сочетал внешнюю преданность императору с безжалостной жестокостью в достижении целей. Персонаж был сложным, требующим безупречной мимики. Те, кто умеет только хлопать глазами, отсеивались еще на этапе проб.

В последние годы исторические драмы о дворцовых интригах стали рискованным жанром — цензура свирепствовала, да и зритель все чаще предпочитал легкие комедии под попкорн. Но Вэнь Жунси, достигший пика карьеры, выбирал сценарии по велению сердца.

Ему давно хотелось сыграть по-настоящему глубокого безумца.

Ци Цин, забыв на мгновение о своем обожаемом Цинь Бао, украдкой сделала несколько снимков на телефон. Эти кадры были эксклюзивнее любых официальных постеров. Глубокие, словно высеченные из камня черты лица, мощная харизма — в этом облачении Жунси выглядел так, что хотелось упасть на колени и назвать его Вашим Величеством.

На самих съемках он, впрочем, немного смягчил напор. Он играл не монарха, а его тень.

Фотограф отснял пять сетов. Самым сильным стал кадр, где Жунси в простом белом одеянии играет на цине в пустом саду. Длинные волосы рассыпаны по плечам, холодный лунный свет падает на ветви цветущей сливы без единого листа... Он сидел один, и от его фигуры веяло таким древним, почти осязаемым одиночеством, что оно казалось способным дробить кости.

В его мир невозможно было войти. Да он и не стремился опускаться до общения с толпой. По задумке Жунси, даже этот отрицательный герой должен был вызывать у зрителя щемящее сочувствие.

Режиссер был в восторге.

— В день открытия ты не приехал, говорили, улетел за границу? — Гу Ляньхай, с которым Жунси работал не раз, подошел пожать руку.

— Да, снимался в рекламе часов. Но ваше время я забронировал еще полгода назад, — улыбнулся актер.

Гу Ляньхай был из тех редких мастеров, кто годами оттачивал каждый кадр. Жунси уважал его за профессионализм, а режиссер ценил актера за то, что тот, даже будучи звездой мировой величины, лично предупредил об отсутствии на церемонии открытия.

После короткой беседы ассистентка напомнила о вечернем интервью. Жунси попрощался и ушел снимать грим.

Уже в машине он выпил немного горячего бульона, чтобы согреть желудок. Годы изнурительных съемок не прошли даром — теперь при любом стрессе старая язва давала о себе знать. Сам он со смехом называл это старостью, чем неизменно злил друзей, ведь его лицо одинаково безупречно смотрелось бы и в семнадцать, и в семьдесят лет.

— Ци Цин, телефон, — Жунси протянул руку, не открывая глаз.

Девушка растерялась и вложила в его ладонь его же собственный аппарат. Он нащупал пальцами корпус и покачал им:

— Не этот. Прости, мне снова нужно одолжить твой.

«Да хоть меня в долг возьми, кумир!» — пронеслось в голове у Ци Цин. Вслух же она, конечно, ничего не сказала. Ей было странно: зачем ему ее телефон? Она мельком глянула на его навороченный флагман — он стоил как две ее почки, она сама копила на такой полгода. Неужели работает плохо?

Жунси привычно открыл «Фую» и нашел историю просмотров. Трансляция уже закончилась, но он перемотал запись. Внезапно его взгляд зацепился за слова «ВэйБао». Экран тут же

очистился — актер решительно отключил функцию «бегущей строки».

Цинь Бао.

Семья Цинь в столице не принадлежала к старой аристократии, но была из тех «новых титанов», с которыми считались все. Старший брат Цинь Бао заправлял в сфере электроники, средний — в интернете. Оба были желанными гостями для топовых мужских журналов, но оставались недосягаемыми.

А на экране тем временем «младший господин Цинь» с невозмутимым видом подбирал собачьи экскременты двумя бамбуковыми палочками. Он делал это так сосредоточенно и ловко, будто решал сложнейшую задачу на госэкзамене. На фоне брезгливых гримас остальных участников Цинь Бао выглядел почти героически.

Вэнь Жунси смотрел на это, и в его душе бушевал сложный коктейль из недоумения и странного интереса.

Только когда машина припарковалась у здания телецентра, он вернул телефон владелице.

В ожидании начала интервью Ци Цин от нечего делать зашла в приложение. На иконке уведомлений горела красная цифра — ее комментарий лайкнули больше тысячи раз.

Она, типичный «молчун», никогда ничего не писала. Трясущимися пальцами она открыла ветку и замерла. Полчаса назад с ее аккаунта был оставлен подробный, почти научный комментарий о неопределимой роли собачьего навоза как удобрения в эпоху дефицита химикатов — с историческими справками и цифрами.

Полчаса назад...

Но ведь телефоном пользовался Вэнь-гэ!

Ци Цин смотрела в экран, не в силах вымолвить ни слова. Кто бы мог подумать, что Киноимператор так глубоко разбирается в навозе... Впрочем, на то он и мастер: он играл и императоров, и нищих. Его жизненный опыт и запас знаний явно не стоило недооценивать.

<http://bllate.org/book/17537/1700527>